

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 3

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 3** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 100 с.

ISBN 978-5-98604-626-6

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинарах Школы в марте и апреле 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: как в западной философии возникли идеи о привилегиях меньшинств, где граница, после которой либеральные идеи перерастают в бунт против вероучения и порядка, в каком нравственном состоянии находилось русское общество накануне 1917 года и что такое неоколлаборационизм.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-626-6

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А. , 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

Л. В. Поляков

Власть меньшинства.

Истоки идей о привилегиях меньшинств в западной философии 5

А. Б. Рогозянский

Православие и либерализм 23

С. Ю. Рыбас

Серебряный век и нравственное состояние общества

накануне 1917 года 51

А. Л. Вассоевич

Коллаборационизм и неоколлаборационизм 64

А. И. Кондрашов

Телевидение и нравственность 81

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Либерализм в широком смысле свойственен всем нашим современникам, не исключая и автора данной статьи. Либерализм — это дух нашего времени. Для того чтобы проиллюстрировать это, можно обратиться к советскому времени. Газеты постреволюционного периода (те, от которых у профессора Преображенского болела голова и портился аппетит), если заглянуть в них сегодня, дадут наглядный пример специфического, акцентуированного политико-социального дискурса. На их страницах в полной степени прослеживаются комплекс идей, владевших массами того времени, новояз, нерасчленимые мыслительные конструкции и штампы: «народное дело», «новый мир», «светлое завтра», «классовый враг», «пережитки», «рабочая правда». Сегодня это воспринимается со скепсисом, с долей иронии, мы видим в этом некие аффектацию и театральность, но в 1918-м или 1930-м изнутри исторического контекста люди, широкая читательская аудитория не замечала в подобной подаче информации ничего необычного, считала её вполне органичной и реалистической.

Другой яркий пример деформации дискурса в локальном национальном воплощении — современная специфическая украинская психосемантика. Способ объяснения «свидомыми» действительности нами из России прочитывается подчас как совершенно неадекватный. Вот несколько заголовков украинских новостей: «Террористы занялись асфальтированием Донецка», или «Боевики восстановили работу и перевозки на железнодорожной станции Дебальцево», или «Агрессор за 2016 год насильно (!) отправил 600 000 человек в санатории Крыма». Для российского обывателя это выгля-

дит как бред сумасшедшего, как откровенный абсурд: ведь террористы занимаются тем, что взрывают и разрушают, а если какие-то люди асфальтируют дороги и вводят в строй железнодорожные ветки, то, с высокой вероятностью, это не террористы. Но на Украине, по ту сторону границы, люди не видят трагикомизма в таких заголовках. Украинцы старательно воспроизводят логику актуальной политической культуры своей страны и пытаются в соответствии с ней жить, управлять государством, выстраивать отношения со внешним миром. Таким образом, акцентуация заявляет себя в качестве нормы. Это типичная для субкультур ситуация, когда люди условились между собой относительно некоторых жизненных аксиом и считают, что, исходя из них, можно дальше делать выводы. То есть люди вполне могут использовать аксиоматику большевизма или свидомизма как нечто само собой разумеющиеся.

По всей видимости, все мы сейчас также находимся в своей субкультурной ситуации, дышим воздухом, которого не замечаем. И совершенно очевидно, что эта наша акцентуированность в наибольшей степени определяется влиянием либерализма. Человек извне, представляющий некую фундаментальную традиционную (в аксиологическом смысле) позицию, моментально отметил бы в современном общественно-политическом мышлении России черты «герметичности», характерные обороты, общие места. Он обратил бы внимание на мнимую ясность, за которой скрываются настоящие пропасти и бездны.

Современность пропитана либерализмом, он витает в воздухе. Это *zeitgeist*, «дух времени». Прежде всего он проявляется в западноцентризме — феноменологическом следствии либерализма. В последнее время западоцентричная картина мира несколько пошатнулась, дала трещину, но, тем не менее, всё происходящее в нашей стране продолжает находиться под знаком западнического влияния. Методология восприятия и анализа действительности в политике и культуре в целом заимствованы оттуда. Мироззренческий, фило-

софский суверенитет пока нам только снится. Уютный западный мир с видимостью решения основных противоречий, с согласованием общественных интересов, обеспечением потребностей большинства, конечно, производит колоссальный эффект на любого, кто сходит с трапа самолёта в европейском или американском аэропорту. Нестыковки и шероховатости, изнанка этого внешнего благополучия замечаются уже во вторую очередь. Нужно проехать по странам третьего мира, чтобы воочию увидеть природу западного процветания, состоящую в несправедливом, диспропорциональном торговом обмене; заглянуть за ширму центральных офисов транснациональных корпораций, закрытых элитарных клубов; своими глазами увидеть последствия «продвижения демократии» в цветных переворотах, в диктатуре меньшинств, чтобы, как говорили в советское время, «звериный оскал капитализма» перестал быть высмеиваемой фигурой речи, а раскрылся буквально. Проблема мигрантов широко освещается в российских СМИ, но это далеко не главный порок современного мироустройства.

В целом западный мир выглядит очень прилично, достойно, красиво, удобно, продуманно. В России в 1990-е годы наилучшим способом продвижения западных ценностей было собрать группу профессионалов по какому-нибудь направлению: от журналистов и военных до специалистов по агропромышленному производству и жилищно-коммунальному хозяйству и вывезти их на так называемую «стажировку» в Германию или Америку. То, что происходило с этими людьми дальше, напоминало сказочное путешествие в Тридцатое царство. Описать чувства, которые охватывали нашего соотечественника при виде витрины капитализма, лучше всего понятием «индоктринации», обращения. «Стажёры» оказывались в буквальном смысле слова новообращёнными, неопитами, радикальными адептами религии «Великого Западного Образа Жизни». Отзвуки, обертона и реверберации этого Великого Западного Образа Жизни пронизывают в России всю систему политического мышления. И

освободиться, обрести собственное и более реалистичное видение мира, не завязанное на мифологию (самоубийственную, в конечном итоге, для периферии и полупериферии), а органичное нашему собственному историческому опыту, целям выживания в цивилизационном противостоянии, даже при всём нашем желании, — не такое простое дело.

Гарантией от либерализма не становятся даже патриотические, державнические, евразийские антизападные интенции. Все они произвольно отталкиваются от образа Запада как базового гештальта, добавляются лишь приставки «контр-» и «анти-». Такова обходная, окольная логика сложившейся у нас политической ментальности. Разумеется, отчасти вынужденная и оправданная, ибо, когда речь идёт о внешней агрессии, то реакция самозащиты, отрицания, действия от противного — самое естественное. Но нужно понимать, что политическая методология антизападничества сама по себе не выражает органических решений и подходов, а в некотором смысле тоже является порождением либерализма. Так же, как исламский экстремизм, ваххабизм, ИГИЛ¹ — это зеркальный идеологический двойник либерального тоталитаризма, его собственное порождение, а не органичная форма жизни исламских народов.

К сожалению, не являются надёжной защитой от либерализма и просоветские симпатии. По мере того, как эпоха СССР отступает всё дальше и дальше в прошлое, ресоветизаторские устремления приобретают всё более эмоциональный, фантазийный характер, становятся всё более расплывчатыми и безответственными. Человек, ностальгирующий по советскому прошлому, внешне проявляет себя как противник либерализма. Но если рассмотреть его взгляды более пристально, то окажется, что он также проповедует комфортное, мало к чему обязывающее состояние, обнаруживающее признаки вполне либерального подхода, постмодерновой деконструкции, состояние,

¹ Организация запрещена в России.

которое Сергей Кара-Мурза охарактеризовал как «сознание-кентавр». «В 90-е годы, — пишет Кара-Мурза, — сформировался необычный культурный тип, по выражению социолога Тоценко, человек с парадоксальным «сознанием-кентавром». Он не принимает нынешний режим и тоскует по советским принципам жизнеустройства — и в то же время отвергает глубинные советские структуры, на которых это жизнеустройство стояло».

В качестве ещё одной иллюстрации процитирую выдержки из одного авторского блога газеты «Завтра». Это блог Галины Иванкиной, публикация от 18 декабря 2013 года под названием «Было же время...»

«Удобно, просто, незамысловато — плакать о светлом советском прошлом, чтобы ничего не делать в настоящем. <...> Для очень многих современных людей ностальгия по СССР сделалась удобным актом эскапизма. Более того — поводом ничего не делать и ничего не хотеть. Выглядит это примерно следующим образом: «Я ничего не достиг и ничего не умею, потому что в 1991 году у меня украли Мечту. Теперь, вместо того чтобы стать астрономом, я работаю менеджером по продажам, причём работаю плохо и меня постоянно сокращают! А было же время, когда люди мечтали о звёздах, а не о продажах!» Кто виноват? Общественный строй, конечно же. Мальчик до 91-го года мечтал и грезил, ходил в кружок при доме пионеров, смотрел на россыпи созвездий. Ему снился Марс, а потом ещё — Млечный Путь... Красиво? Ещё бы! А потом пришли какие-то нехорошие дядьки с не менее гадкими тётками и сунули ему в руки Mars и Milky Way. Но он-то сам ни при чём, хотя и схрупал сие с удовольствием. Любимая фраза большинства ностальгирующих субъектов: «Нас обманули!» <...> На самом деле, это очень удобно и где-то даже выгодно — годами изображать «обманутого вкладчика» и непризнанного гения, вынужденного, вместо яблонь на Марсе, созерцать пробки на дорогах. <...> Позиция обиженного ребёнка. <...> Быть обманутым — удобно. Можно залечь на диван прямо в ботиках

и ни черта не делать. Твой сын — двоечник? Виновата система образования! Вот было же прекрасное и светлое время, когда ценились умные люди, а теперь подростки сидят, уткнувшись в свои гаджеты от слова «гад». Твоя дочь малюется, как клоунесса и дымит, как паровоз? Виноват, разумеется, Дом-2, который все они (то есть растленная молодёжь) смотрят часами. А я? А я страдаю, что у меня украли Мечту с большой буквы «Мэ». Хотели быть стратонавтами, а стали главбухами и теперь с горя бухаем. Об одном человеке было сказано даже так: «Повесился, потому что не смог вписаться в эту пакость». <...> В советские времена спорт был для всех, а теперь — только для богатых!» — пишет в комментариях женщина, которой врачи поставили популярный при нынешнем колбасо-изобилии диагноз «ожирение». <...> Оказалось, что под словом «спорт» моя собеседница подразумевала не какое-то там унылое подтягивание на турнике, а модную аэробику в элитном фитнес-клубе. Я же говорю — весьма удобно. «Я больна, потому что меня лишили спорта, который нынче работает лишь на потребу проклятой Вандербильдихи!» И — хлоп! тортик. В процессе пожирания тортиков (впрочем, напичканных ГМО-дрянью) можно уронить ностальгическую слезинку по поводу V зимней спартакиады народов СССР 1982 года и вспомнить песенку «Мы верим твёрдо в героев спорта!»²

В данном случае политические либеральные аллюзии тесно сплетаются с бытовыми. В нашем обществе именно на бытовом уровне либерализм является особенно прочным. «Тучные нулевые» и начало «десятих» заслуживают быть названными эпохой «Великой Бытовой Либеральной Революции». Политический и управленческий распад и децентрализация страны были кое-как остановлены укреплением «вертикали власти», тогда как либерализация частной сферы и общественных отношений в «тучные годы» происходили ударными темпами. В «нулевые» мы занимались уже не рассматри-

² <http://zavtra.ru/blogs/byilo-zhe-vremya>

ванием фасада западной цивилизации. Начался активнейший перенос на нашу почву технологий и инструментов организации жизни пресловутого middle class, среднего класса, начиная с отделки квартир до сценариев проведения семейных праздников и маленьких секретов карьерного роста.

С этого времени аксиоматика сильно меняется. Если в 1990-е годы общество оставалось в значительной степени советским, постсоветским, травмированным подвидом общности советского типа, то «нулевые» совершают качественный скачок: общество вдруг осознаёт, что красивая картинка доступна к обладанию. Азарт обладательства нельзя описать! Этим оказалась смята остаточная инерция советизма: куда-то исчезли агрокультурный ажиотаж «на шести сотках», восторг заготовок и консервации, традиционные посиделки соседок на лавочках и мужские коллективные корпения над техникой в гаражах. Люди меньше стали ходить в гости, тесные связи семей в трёх поколениях с совместным времяпрепровождением и решением разнообразных бытовых вопросов сменились автономией, поддерживаемой как молодыми, так и стариками. Прежние категории, такие как скромный достаток, тихая жизнь, домашние интересы, сердечность отношений, экономия, труд своими руками стали трактоваться как архаичные и смешные. На месте этого стала рождаться другая, более стерильная и рационализованная модель, связанная с получением удовольствия от пользования вещами, ранее недоступными, удовлетворения от личной статусности при одновременной индивидуализации. Произошло снижение эмоциональной зависимости между родными, соседями и членами профессиональных коллективов.

Запад преодолел этот путь на 30–40 лет раньше, и в «нулевые» на наше общество транслировалась уже готовая, выверенная сумма решений. Поэтому, вольно или невольно, посвящение в welfare (благосостояние, англ.) имело следствием принятие априорной правоты Запада, преимущества либеральной позиции по большинству вопро-

сов. В представлении обывателя Запад населён людьми, «знающими толк в вещах», ведающими, как надо жить. Глобализирующийся мир взирает на Запад как на учителя и вполне логично переходит на единые вестернизированные стандарты.

Прошло 10–12 лет, и переход у нас в целом завершился. На сегодняшний день советского или тем более коммунистического сознания в России больше нет. Я не знаю, о чём говорят сторонники якобы необходимой срочной декоммунизации и десоветизации в России. Есть явления инертности, косности, например, когда людям удобнее жить по-прежнему, на улице Луначарского, а не привыкать к историческому названию «Покровская». Определённая атрофия вкуса, апатия, неразборчивость, всеядность — это то, чего в нашем обществе можно найти сколько угодно. Но советизм как принципиальная ценностная позиция исчез. Никто не станет утверждать, что именно товарищ Луначарский ему дорог. Пожалуй, многие даже согласятся, что «улица Покровская» звучало бы намного лучше, но «улица Луначарского» привычней. Что у нас до сих пор точно есть — это брендированность «советского» в рамках его пропагандистски-коммерческого использования и ретро-стилистики, но собственно «совка» не найти.

То, что вменяется России в вину как проявления советского или имперского, великодержавного типа, — это, на самом деле, проявления обычной континуальности сознания. Как ни крути, период СССР был. Внутри нас всегда будет сохраняться определённая ретроспекция. Десоветизировать до рвотного рефлекса, до амнезии означало бы просто изнасиловать личность. Да, мы жили, жили по-своему, но это была жизнь, а не что-то иное. Как по Василию Шукшину: «Всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это». Сейчас это память о том, что мы были, что нашей стране и обществу не 20 лет, как иногда можно услышать в СМИ, а гораздо больше.

Время от времени вспыхивающие дискуссии о «насилии в браке» или «шлепках в процессе воспитания детей» имеют целью инсинуировать по поводу неисправимо тоталитарного характера российской жизни и бесконечно тыкать в «совок». Если судить по сюжетам телепередач и записям в соцсетях, то может показаться, что всё становится хуже и хуже: детей только и делают, что порют, женщина в доме переживает неописуемые притеснения. Между тем это впечатление ошибочное, и оно скорее выявляет «смягчение нравов». Либеральный подход, стандарты восприятия изменились. Ещё 15–20 лет назад никому даже в голову бы не пришло возводить в проблему шлепки при воспитании. В действительности, отношения в семье между супругами, воспитательные отношения, стратегии жизненной реализации либерализовались и продолжают либерализовываться. Женщина проявляет такие желания и запросы, такую чувствительность к обращению в свой адрес, какой у неё не было ещё совсем недавно. Традиционное понимание семьи сломано, иерархия мужского и женского за последние 15 лет нивелировалась, и тема мужского шовинизма на сегодня уже вызывает атаку на встречном курсе — стремление феминистского лобби перейти в наступление, деморализовать и уничтожить соперника, табуировав само упоминание о различиях между полами. Равным образом родительская деспотия неожиданно встаёт в центр обсуждений в условиях, когда воспитательная активность объективно находится на историческом минимуме, когда дети предъявляют требования и запросы к родителям, невиданные десятилетие-другое назад.

Такова калька с логики процессов толерантизации и партикуляризма в западном обществе. Начиная с 1970-х годов, традиционные институции и практики: семья и родительство, образование, работа учителя — всё стало подвергаться систематической обструкции. Везде стали мерещиться корысть и желание власти, манипуляции, психологическое давление со стороны старших. В таких обстоятельствах не воспитывать лучше, чем воспитывать, это менее предосудитель-

но. Дети, предоставленные сами себе, растущие без определяющего, формирующего влияния ответственных взрослых, для современных родителей почти не представляют проблемы в сравнении с пресловутой угрозой быть обвинёнными в репрессивности, в ограничении детской свободы. Сегодня эта акцентуированная логика поиска авторитаризма везде, где только можно, погони с увеличительной лупой за посягательствами на личную свободу распространилась и в нашем обществе. Мама и папа нередко ощущают неудобство при указании своему чаду на должное и недолжное в его действиях. Это проявление бытового либерализма. «Всё ситуативно, нет общих правил, есть лишь многочисленные личные мнения и только», — так кажется современному родителю. «Откуда я знаю, что для него лучше?» — задаётся он вопросом. Формируется иррациональный страх перед репрессивностью, родитель не может воспитывать, он боится оказаться манипулятором, погрешить «удушающей любовью». В такой ситуации вполне естественно, что потребность ребёнка в воспитании волнует его значительно меньше, чем общественное мнение.

Аналогичные процессы происходят и в отношениях между супругами. По факту утраты идеи ответственности за другого, идеи совершенствования отношений, этоса дома, из-за панической боязни вторжения в чужую свободу, нарушения суверенитета, табуируется всё, что может служить предметом разногласий. Оба супруга самореализуются где-то на стороне: в карьере, общественной деятельности, но внутри дома действует негласный церемониал ненарушения чужой автономии, исключения любого произвольного вмешательства в выбор другого. Понятно, что проблема семейных противоречий, конфликтов отцов и детей или свекровей и невесток при этом уходит. Но какой ценой? Семья перестаёт быть средоточием событий, предметом заботы, совместного делания. Жизнь в доме замирает. В лучшем случае эти люди способны вместе отдыхать, делить приятные моменты, поддерживая между собой ни к чему не обязывающее общение. Любая координация более сложного уров-

ня: взаимопомощь, взаимовыручка, жертвование комфортом ради другого — в рамках подобной системы представляется уже трудноосуществимым.

Точно так же и церковная проповедь, к сожалению, мало защищена от влияния духа времени. Зачастую она не видит этой самой проблемы — интерференции с либеральной пропагандой. Для Церкви мотивы мира и уступчивости являются в определённой мере традиционными, но звучит эта проповедь в новых условиях — в условиях крайней индивидуализации. В этом случае акцент на любовь, прощение и неосуждение работает на усиление партикуляризма и релятивизма, становится своего рода аналогом антирепрессивных, антиавторитарных концепций, удобно прикрывает распад традиционной семьи, отношений иерархии и педагогического авторитета. Отношение к жизни и смерти, труду и досугу, страданиям и радостям всё больше обнаруживают в православных верующих приверженцев массового культурного стандарта. «Уважение к неповторимой и уникальной личности, образу Божию» — замечательный повод для плюрализации и толерантизации под христианско-церковными обоснованиями.

Таковы реалии либерализма в широком смысле, феноменологии либерализма, выходящей за границы политической сферы, либерализма как господствующего экзистенциального явления нашего времени.

У читателя может возникнуть вопрос: каким же образом избежать заражения либерализмом? Ранее уже говорилось о том, что идеологическое оппонирование западной системе ценностей, патристическая установка являются лишь формальной антитезой, оставаясь при этом пронизанной либеральными коннотациями, ощущением собственной вторичности, зависимости от либерального дискурса как от базового. Это напоминает ситуацию, когда подросток демонстративно противоречит старшим. У него это только видимость самостоятельности, в действительности же он не знает, что такое самостоя-

тельная позиция, он умеет и знает только одно — поступать наоборот. Так и в нашем обществе: понятия «суверенитет», «цивилизованность», «свобода», «развитие» по-прежнему интерпретируются преимущественно в западном политологическом значении. Сэмюэл Хантингтон нам польстил, выделив кроме западной ещё 4–5 отдельных «цивилизаций». Это в большей степени обусловлено той терминологией, которую использовал геополитик: под «цивилизациями» у Хантингтона понимаются части мира с общим культурно-религиозным прошлым и относительно сильной политической традицией. По существу, цивилизация одна, варьируются лишь отдельные опции и элиты, которые кое-где не желают уступать контроль над региональными ресурсами и активами.

Если мы хотим выжить, то избавление от либерализма на повседневном уровне предстоит пройти каждому, включая и автора настоящего доклада, который 15 лет назад вместе с семьёй перебрался из Санкт-Петербурга в российскую глубинку, в деревню. Каждому есть о чём думать и о чём беспокоиться в плане нахождения возможностей жить вне и вопреки логике либерального мейнстрима.

Не следует обходить стороной и тему церковного либерализма (либерализма в его узком значении) — принадлежности тех или иных фигур к течению критиков Патриархии, сторонников церковных реформ и так называемого «европравославия». В чём же заключается комплекс взглядов церковного либерала? В первую очередь, в трепетном отношении к *privacy*, личному пространству, в иной симптоматике неофитства. Вместо «взрывного обращения» — более самостоятельное и даже самодостаточное отношение к жизни. В процессе «смотрин» человек отрабатывает критический материал по отношению к Церкви, решая, «зачем ему это нужно». Он может длительный срок находиться в двойственном положении, прежде чем войти в круг постоянных адептов и принимать на себя обязательства по исполнению полного объёма предписаний. Иметь ни к чему не обязыва-

ющие симпатии к христианству спокойнее и проще, нежели окунаться в тотальную религиозность.

В основе церковного либерализма — антропологический оптимизм. Положение верующего мыслится достаточно определённым, устойчивым; личные недостатки, грехи, по всей видимости, будут прощены Богом. Не существует драмы гибели и спасения души, оправдания в очах Божиих, перерождения из «ветхого человека» в «нового», метанойи — перемены ума. В рамках либерального мировосприятия плохо понятной остаётся мысль об идеальном «я», к которому нужно идти путём дисциплины, труда и аскезы; в стороне остаются идеи авторитета и подражания — организующие начала традиции. «Я» понимается здесь как «моё индивидуальное», совершенно конкретное, то, которое известно «здесь и сейчас». Оно-то и представляет собой образ Божий, уникальную и абсолютную ценность. Всё содержание христианской жизни состоит в нравственной деятельности в соответствии с евангельскими принципами, понятыми каждым человеком в своём индивидуальном ключе («личное прочтение Евангелия»).

Для либерального сознания характерен психологический реверс: от принципа «я в системе Божиего мира» к принципу — «Бог в моём внутреннем мире», с отходом от универсализма в направлении экзистенциальности и, в конечном итоге, индивидуального либерализма. Меняется тип созерцания Бога. «Исторический Христос» отличается от традиционного образа Всевышнего Бога, Первоначала и Творца всей жизни. Бог эпохи научных открытий, промышленного бума, общественных новаций заключён в рамки научности и историзма, ограничен пределами рациональных закономерностей, понимаемых как объективные. Не существует цели познания Сущего, перестройки ума для проникновения в Божественный принцип, но приспособление Евангелия к тому, чтобы, как говорит Поль Рикёр³, «христианскую истину сделать доступной умам, приученным к

³ Поль Рикёр (фр. Paul Ricœur; 1913—2005) — французский философ, представитель школы философской герменевтики.

отрицанию сверхъестественного». Такова суть теологии секуляризации или *aggiornamento*⁴, если использовать римско-католическую терминологию.

Тематика евхаристического возрождения обнажает вопрос о харизматическом основании «новой религиозности». Модернизм в целом тяготеет к рационализации, к «вере посредством разума». История, человеческие взаимоотношения и дела трактуются психологически и прагматически, вне духовного контекста. Собственно религиозная часть при этом выражается учением о дарах Духа. Для Православия с его сильным богослужебным ядром это означает усиление внимания к Евхаристии. Для либерализма характер фундаментального действия имеет одна Евхаристия, на которой заканчивается рациональный разбор учения и которая рассматривается в качестве ценности, принимаемой на веру и недоступной для любого рассуждения. При этом со стороны церковных либералов всё чаще звучит требование о разъединении традиционной привязки Евхаристии к Таинству исповеди.

Либерализм ставит на место воцерковленности евхаристичность. Единство у литургической Чаши трактуется как единство высшего рода, единство вообще, вне необходимости согласования, нормирования частных позиций посредством традиционных предписаний, канонов, обычаев, доктринальных установлений. Этим достигается сопряжение с ещё одним, помимо прагматизма, основополагающим качеством «новой религиозности» — её интимно-личной направленностью. Харизма, в отличие от традиции, не предписывает ничего общего, она направлена лично на каждого и лично каждым воспринимается. Это часть Божественного, которую каждый получает от жертвенника. И одновременно она есть акт общей веры, ценность, разделяемая прочими членами общи-

⁴ *Aggiornamento* (итал. — обновление) — приспособливание Католической церкви к актуальным условиям. Термин вошёл в широкое употребление после Второго Ватиканского собора.

ны. В сложной игре переживаний вокруг темы Евхаристии сознание «новых» находит залог своего христианства и принадлежности к Церкви, исполнение упований о прямом сообщении со Христом и истинном исповедании вне формализма и условностей. По сути, за Евхаристией и только за ней новым религиозным сознанием признаётся свойство фундаментального религиозного действия. Оставшаяся жизнь верующего десакрализована и укладывается в рамки его индивидуального выбора.

В результате уже сегодня часть московских церковных либералов перестаёт подчиняться общим требованиям вероисповедной и литургической дисциплины, а практикует *de facto* собственную версию благочестия: произвольно выбирает период и рацион постов (причём с особым удовольствием, демонстративно, как знак особой раскрепощённости, размещая в соцсетях фотографии застолий со скоромными блюдами), свободно причащается без подготовки и исповеди, женщины не признают головных уборов в храме и ограничений на период месячных очищений. Примером проповеди религиозного индивидуализма, *privasy*, является «теория частного лица» игумена Петра (Мещеринова): «Способствует, например, нашему богообщению пост — постимся. Не помогает — определяем такую его свою меру, чтобы наше христианство не превращалось в Религию Еды. Нас раздражает соприкосновение с церковной средой — сводим его к минимуму. Наводит тоску понуждение себя к учащённому посещению храма — определим себе такую, опять же, свою меру, чтобы тоски не было, а была радость». Пример другого утверждения о. Петра: «Что нас раздражает, надоело, то не от Бога».

Вторым отличительным свойством либерала является повышенный критицизм. Это создает особую обстановку, когда обсуждение «церковных проблем» становится едва ли не единственным значимым интересом и содержанием деятельности. Массированная критическая реакция, когда в дискуссии по «церковным проблемам» вовлекается всё большее количество людей, — новое для Русской

Церкви явление. Открывается обширная рефлексия о том, что есть и чем должна быть церковность с позиции современного человека — человека успеха, уверенного в своей способности видеть недостатки и обсуждать проблемы соответственно своему пониманию. Возникает новый для Церкви тип «королей критики», известность которых в основном связана с остротой критических суждений.

По понятным причинам Церковь плохо преобразуется по формулам welfare society⁵, «дивного нового мира». Если идеология успеха где-либо испытывает трудности, то в большой мере это касается именно России и среды православных. Действительность Церкви кающихся (не всегда) грешников наводит на самые пессимистические размышления. Возникает почва для любопытной инверсии, которую можно назвать «стыдом перед обществом за Церковь» или специфической «антицерковностью церковников». В политической области Россия, не желающая следовать рецептам своего счастья, вызывает у части либеральных радетелей всё более напряжённую экспрессию, переходящую в презрение к «этой стране», и проклятья в её адрес. Так и у Церкви собирается довольно своих, непонятых, обманувшихся в ожиданиях, изнывающих от несоответствия максималистским амбициям, изливающих вовне своё обильное раздражение и жёлчь. Критическая деконструкция достигает пика, нарастает паника: новообращенных, уверовавших во Христа... некуда приводить! В церковной действительности их, с высокой вероятностью, «развратят и погубят». «Куда мы зовём людей?» — вопрошает игумен Пётр (Мещеринов).

«Правда» и «объективность» критиков специфичны и отражают, помимо обычного анализа, отягощенность ума психотическими факторами. Над православными нависает комплекс несоответствия («Почему православные такие?»), а степень неустройства церковной жизни оценивается выше, чем в целом по обществу. Расцерковление,

⁵ Welfare society — англ., общество благоденствия, общество благосостояния.

выгорание священнослужителей и монашествующих, вероотступничество как проявления декадентства и ренегатства парадоксальным образом становятся лакомыми темами, выражением самоненависти и своеобразной практической иллюстрацией протеста против имеющихся условий.

Логика развития либерализма постепенно вынуждает его носителя перейти на позицию анти-апологетики. Наглядным примером может служить бесконечная серия статей Андрея Десницкого на информационном ресурсе «Газета.ru», содержание которых состоит исключительно в обнаружении у РПЦ всё новых изъянов, порочащих её связей. Церковь в подобной диспозиции преподносится в роли больного человека, требующего морального шефства над собой со стороны прогрессивной либеральной общественности. Буквальным образом церковными диссидентами используется лекало интеллигентской политической оппозиции, в котором она объявляет себя «совестью нации» и при первой возможности готовится к осуществлению «диктатуры активного меньшинства», к проведению любых реформ, «шоковых терапий», переворотов, расстрелов политических противников из танковых орудий — мероприятий явно антидемократических и антиконституционных, однако выражающих безграничную приверженность ценностям Великого Западного Образа Жизни.

В каком месте происходит разрыв церковных либералов с церковностью, в точности нельзя сказать. Один Бог ведает сердца человеческие. Но можно определённо констатировать, что длительное критическое «полоскание» церковных проблем перед внешней аудиторией ставит вопрос о преимущественном инкорпорировании этих людей в общность секулярного социума или его страт, таких как молодёжные субкультуры или либеральная диссидентствующая интеллигенция.

Наглядный пример представляют информационные атаки на Церковь в 2010–2013 годах, в ходе которых церковные либера-

лы предпочли дистанцироваться от Патриархии и, наоборот, проявить солидарность со светской либеральной столичной интеллигенцией. Последняя, напомним, выступила яростным критиком «дела Пусси райот» и некоторых других резонансных эпизодов, имевших мишенью лично Патриарха Кирилла. Обратим внимание, что избрание Патриарха Кирилла первоначально было прохладно воспринято консервативными, традиционалистски настроенными православными, а церковные либералы тогда радовались и возлагали надежды на нового предстоятеля Русской Церкви в плане церковных реформ. Однако для традиционалиста вера означает любовь к Церкви, преданность Церкви, зримым символом и высшим иерархом которой является Патриарх. Поддержать Патриарха перед внешними нападками представляется естественным долгом совести. В результате на фоне информационных атак внутри Церкви формируется иная конфигурация сил — консервативный консенсус. Либеральное сознание, напротив, ассоциирует себя с Церковью, лишь исходя из факта соответствия последней либеральной аксиоматике. Либеральное сознание очень чувствительно к оценкам светскими либеральными авторитетами состояния церковных дел и личных качеств иерархов и проповедников. Для либерала референтна, в первую очередь, позиция либерального клуба, хотя бы таковой и состоял в основном из людей нецерковно и светски ориентированных. Негативный отклик клуба на действия и заявления церковных лиц порождает в среде церковных либералов чувство раздвоенности, что часто оканчивается для них уходом в церковное диссидентство.

Этический стандарт либерализма обусловлен прежде всего личными связями членов клуба. В итоге, известный принцип «рукопожатности» заменяет церковному либералу ценностные критерии и императивы, включая и доктринальную дисциплину. Любопытный сюжет можно было наблюдать на Крите в дни работы Собора представителей ряда поместных Церквей. С открытым письмом

к Собору обратилась организация под названием «Православная рабочая группа Европейского форума ЛГБТ-христианских групп». В письме шла речь о необходимости смягчения позиции Церкви по отношению к лицам нетрадиционной ориентации и о возможности признания совместимости таковой со статусом православного верующего. Нужно сказать, что для православной среды и Русской Церкви в частности тематика богословского оправдания ЛГБТ не является актуальной в аналогичной или хотя бы приблизительно той же степени, как в некоторых западных протестантских сообществах. Даже внутри католицизма, существенно либерализованного в десятилетия после II Ватиканского собора, дискуссии о легализации «однополый любви» остаются за пределами официальной повестки. Тем паче в России, в среде православного духовенства и паствы, общественное мнение по отношению к подобным попыткам остаётся сугубо негативным. Появление упомянутого открытого письма осталось бы малозначащим эпизодом, прошло незамеченным, если бы неожиданно не обнаружилось, кто является его автором. Некто М., человек весьма известный в московской либеральной тусовке — прихожанин храма Косьмы и Дамиана, проживающий последние годы за границей в Польше в паре с гомосексуальным партнёром. Ввиду данного обстоятельства определиться с отношением к письму церковным либералам оказалось гораздо сложнее. С одной стороны, они понимали, что для богословской реабилитации меньшинств время пока не пришло и почва не готова. Притязания западных геев и лесби на равенство прав, включая полную толерантность к себе в церквях, возможность избираться в клир, принимать сан, заключать браки, в российских условиях расцениваются сугубо отрицательно: как проявления распада западных общества и культуры, попираания основ, грубого давления и размывания христианского вероучения. Но когда на другую чашу весов оказалась поставлена одна-единственная рукопожатная персона М., его страдания от пребывания в «гомофобной среде»

вызвали у либералов уже вполне ощутимое сочувствие. Письмо «Европейского форума ЛГБТ-христианских групп» к Критскому собору стало обретать в их сообществе положительные коннотации. Смягчение доктринальной позиции Православия по отношению к ЛГБТ, понимаемое в виде смягчения отношения к конкретному М., начало мыслиться многими уже более оправданным и естественным.

Окажись режиссура этой провокации более развёрнутой, симпатизанты М. могли бы в короткие сроки составить движение за пересмотр положений православной доктрины в пользу согласия с присутствием в Церкви особых «ЛГБТ-христиан». Конфликт со сторонниками традиционной морали дополнительно подпитал бы ажиотаж вокруг этой темы, вызвал усиленный медийный интерес, противоречивые трактовки, привёл бы к новому витку информационных атак, обвинений и провокаций. Запутанный клубок проблем возник бы в неожиданном месте, вдруг, буквально «из ничего». Причиной же взрыва, кризиса нешуточных масштабов явился бы, как это ни странно, «казус М.» вкупе с видоизменённой оптикой этики-совести церковных либералов.

Либеральное сознание — сознание ассимилируемое, стоящее под определяющим влиянием секулярных концепций. Инфильтрации от мира внутрь Церкви имели место в разные времена. К примеру, говорят об инфильтрациях языческой римской государственной идеологии после эдикта 312 года, изданного императором Константином. В советский период также было заметно желание подстроить церковную доктрину под господствующую идеологию с целью создания специфического «богословия Октября». На сегодняшний день инфильтрации носят, по преимуществу, либеральный характер. Разумеется, существует проблема державнических, националистических, советистских, сталинистских аллюзий на темы православия, но доминирующий идеологический перенос генерируется именно в дискурсе «прогрессивной западной цивилизации».

При переходе на либеральные позиции происходит своего рода «переобращение». Своим реальным кредо человек имеет некий набор социально-либеральной догматики, её лапидарных формул-аксиом: «свобода лучше, чем несвобода», «власть противопоставлена обществу», «личный выбор — превыше всего», «защита прав и свобод человека» и так далее. Внутри Церкви складывается круг исповедующих некую видоизменённую веру, вернее, квазирелигию — прогрессизма, социального фундаментализма, причём исповедующих её фанатически.

Что такое социальный фундаментализм? В последние 30–50 лет религиозные сообщества взаимодействуют с мирским окружением и ощущают себя в мирском окружении принципиально иначе, чем раньше. На глазах у последних двух-трёх поколений развёртывается, по существу, новый рукотворный «социальный космос», которым выводится из поля зрения космос естественный. На данной базе формируется особый тип мировосприятия, который может быть назван социальным фундаментализмом. Это мировосприятие отличается от прежней культурной и духовной традиции, основанной на тесной связи с естественным миром, Божиим творением. Вместо этого за объективную реальность принимается реальность, которая даётся преимущественно в социальных ощущениях. Современное общество самодостаточно, замкнуто на себя и источниками откровения в нём служат его внутренние экономические, политические, бюрократические, обывательские гении и музы. Перемещение на новое поле и закрепление «старых», «классических» культур и вероисповеданий в контуре нового рукотворного мироустройства носит название «социализации».

Что происходит в поле социального фундаментализма? Давным-давно, в самом начале развития теории социальнойности, Дюркгеймом была выражена мысль, что процессы в теле общества не есть чистая арифметика, что они сложным образом влияют на людей и социальные институты. То есть существует некая мисти-

ка, метафизика современной цивилизации, больших человеческих масс, мегаполиса. Сам Дюркгейм предлагает к использованию понятие «божественного социального». «Общество, — утверждает он, — и есть Бог». Можно было бы списать это утверждение на волюнтаризм автора, но развитие событий показывает, что тематика социального всё более затуманивается, мистифицируется, несмотря на развитие знания, объективных методов исследований, широчайшего обмена информацией. На сегодняшний день человечество обладает крайне смутным представлением о том, что является движущими силами истории и по каким закономерностям происходят изменения в обществе. И дело не только в факторах скрытого управления и манипулирования. Стержневые концепции, такие как теория общественного договора, теория гражданского общества, теория модернизации, теория свободного действия, *laissez-faire*⁶, монетарная теория, теория сингулярности, электоральная теория, схема мейнстрим/маргинес, экономические циклы, «длинные волны», «короткие волны», пресловутая пирамида потребностей Маслоу имеют в своём основании серьёзнейшие пустоты, уходят своими корнями куда-то во мглу внерассудочного, культового, принимаемого на веру. Тот, кто имеет дело с современными гуманитарными науками, знает, как много внутри этих областей проявлений иррационального, пралогического, выражаясь термином французского исследователя психологии простейших анимистических обществ Люсьена Леви-Брюля.

Леви-Брюль в конце XIX — начале XX веков посвятил свою научную деятельность доказательству фундаментальной перестройки, рационализации мышления под воздействием прогресса, описанию изменений, происходящих с современным сознанием по отношению к сознанию архаических, не захваченных цивилизацией племён. Увы, европеец или американец, представители прогрессивной части чело-

⁶ *Laissez-faire* (фр. позвольте-делать), экономическая доктрина, провозглашающая минимизацию государственного вмешательства в экономику.

вечества XXI века, демонстрируют многие особенности древнейшего, дологического и магического мышления.

По Веберу, естественный мир расколдован; по Ницше, «Бог умер»; согласно Дюркгейму, сакрум перенесён с небес («Общество и есть Бог»). Однако в результате мы наблюдаем отнюдь не рационализацию сознания в духе философии Просвещения, а совершенно противоположный процесс. Современность заново переживает эффект околдовывания и сакрализации. Предметом нового культа становится социум, внутри которого различаются неясные метафизические бурления. Отсюда происходит вся психосемантика «невидимой руки», «плавильного тигля» — субституций Бога Вседержителя и Промысла. Общество — это «чёрный ящик», и человек соотносится с этой социальной алхимией по принципу «мистического соучастия», партиципации («мистическая сопричастность», фр. *participation mystique*, также понятие Леви-Брюля). Как это действует, до конца не понимает никто. Но так же, как древний дикарь-анимист, современный обыватель на всякий случай предпочитает чтить социальные алтари и кумиры и лишний раз не гневить ревнивых божеств политики, экономики, социальной сферы.

Например, «социализация ребёнка» в последнее время часто провозглашается главным и наиболее важным аспектом взросления. Родители, старшие, по сути, самоустраиваются, предоставляя ребёнку вольницу, свободное обращение со сверстниками в среде соцсетей и неурегулированных, хаотических, люмпенизированных отношений. Казалось бы, что в этом хорошего, какая педагогика может строиться на стихии «тусовки», этого современного беспризорничества? Но страх якобы необратимого ущерба из-за «недостаточной социализации», до конца не выясненных, но почитаемых в качестве поистине ужасающих последствий, перевешивает. Среднему родителю сложно определить содержание понятия «социализации», выглядящего более чем странно. Однако под влиянием доводов социального фундаментализма, либеральной аксиоматики он ни за что не возьмётся пе-

ременить ребёнку среду общения, панически смотрит на воспитание собственными силами, в домашнем кругу, таким образом наглядно демонстрируя иррациональность и низкопоклонство современного представления о социальности.

Как меняется ситуация в рукотворном социальном космосе, наглядно показывают перемены на уровне афористики — исчезновение и, наоборот, введение в обиход новых пословиц и поговорок. Афористичная форма всегда выражала сконцентрированную этику. «Сколько верёвочке не виться...», «капля камень точит», «старый друг лучше новых двух». Новая аксиоматика — это «бабло побеждает зло», «бери от жизни всё», «я никому ничего не должен», «не делай добра, не получишь зла», «все не могут ошибаться».

Либеральный переход имеет под собой изменение причинно-следственных зависимостей — с тех, что были в естественном космосе, на те, что справедливы для космоса рукотворного. Всё вместе это напоминает суперрелигию, откуда в своё время явятся и семь всадников Апокалипсиса, и Вавилонская блудница, и какие угодно типажи, в буквальном ли персонифицированном качестве или на уровне аффектов коллективной психологии.

Религия, напротив, десаκραлизуется и из носительницы высшего откровения низводится до положения одного из общественных феноменов, подвида идеологии и субкультуры, включаемого в современное общество на правах «дочернего», аффилированного, младшего по рангу. Религиозным сообществам предоставляется небогатый выбор: согласиться на социализацию либо быть отнесенными к категории маргинальных.

Часто можно слышать о наступлении новой эпохи постсекуляризма. В общем примере возвращение религиозного фактора в политику и общественную жизнь церковными экспертами оценивается положительно. Однако такое возвращение мало меняет соотношение сил, ибо цивилизация в целом продолжает существовать на безрелигиозных, секулярных началах. Череда изменений, реформ, инно-

ваций продуцируется отнюдь не духовными факторами (знаменитое «Компьютер работает без богословия»). Феноменология религиозных сообществ, их внутреннего «конфессионального мира» значительно уступает в разнообразии и силе миру секулярному.

IT WORKS!⁷ — мощнейший и универсальный аргумент агностиков и атеистов. Моральные качества словно бы не требуются в процессе творения нового. Правда, потом мы видим побочные следствия «IT WORKS!» в чудовищных механизмах военного уничтожения, в многочисленных подменах и фикциях, наподобие индустрии синтетической пищи, в посягательствах на самую идентичность человека, в биогенетических экспериментах или создании смешанных человеко-кибернетических систем.

Тем не менее ни одна из религий не торопится дать исчерпывающее объяснение цивилизационным процессам, проповедать идею мироустройства альтернативного секулярному. Слишком долго прогресс двигался энергией безрелигиозного поиска, слишком сильна оказалась в результате тяга к эмпирии, к обустройству «этой», а не «той» жизни... В крайнем случае, религии предпочитают занять позицию морального комментатора, голоса Очевидности по отдельным вопросам или, в случае современных теократий Востока, используют религиозный фактор для укрепления связности политической конструкции и мобилизации масс. Впрочем, сциентизм, техницизм, прагматика современности не лучшим образом отражаются на религиозной ментальности. Они проникают глубоко в ткань религиозной психологии и начинают видоизменять её под себя. Религиозные сообщества охватывает тоска по своему положению, связанная с ощущением собственной малости, провинциализма, заброшенности («гетто», в терминологии нынешних православных). В них разрастается конфликт со своей «старой моралью», в большей части интроспективной и лишь когда-то давно смевшей стоять независи-

⁷ It works! — англ., Это работает!

мо от общественной проблематики, быть единственно актуальной. Требование модернизации воспринимается как абсолютный и самоочевидный императив, устраняющий дискомфорт от пребывания в ограниченном и периферийном по отношению к мейнстриму пространстве — «гетто». «Свобода», в противоположность существованию в «гетто», в новом религиозном сознании парадоксальным образом закрепляется за «большим социумом». «Быть свободным» на языке социализированного христианства, по факту, означает не испытывать затруднений, связанных с религиозной самоидентификацией, в доступе к личным возможностям и благам. Для религии, традиционно мыслившей себя хранительницей истины, светом миру, такой переворот оказывается равносильным потере воли к жизни, пораженчеству и обречённости — утрате мотиваций к выживанию и сохранению собственных принципов.

Постсекулярность — это предложение неравного брака или письмо под диктовку. Хотя, по видимости, за религиозным фактором признаётся некоторое значение, конфессиональные сообщества ангажируются к диалогу, но в качестве партнёра секулярному актору нужны не аутентичные традиции, а их социализированные версии. По результатам социализации, разные религиозные системы, например, Православная Церковь, или новые протестантские движения, или восточные культы «пристраиваются к делу» и получают свой «социальный паспорт». Так, для православия в России «паспортными качествами» оказываются патриотизм, этатизм, проповедь межконфессионального мира и идеологические аллюзии на тему отечественной истории. Создается и альтернативная версия паспорта: с акцентом на правах и свободах, борьбе с коррупцией, критике отечественной истории.

Социализированные религии — пасынки и падчерицы социального фундаментализма, бледные тени собственных исторических традиций, крайне поверхностные, лишённые трансценденции и, по существу, смирившиеся с собственной невозможностью. Конфессио-

нальные авторитеты поневоле сами вынуждены умерить интенции своей проповеди, избегая внушать последователям логику автаркии, пренебрежения миром и земными благами. Ибо результатом «неотмирных» призывов в обстановке недостатка трансценденции становится не столько духовный рост, сколько закономерное движение вниз по ступеням социальной лестницы, либо эксцессы экстремизма, что ещё более прискорбно.

Диалог с обществом или с современностью — это один из ключевых тезисов церковного либерализма. Как выглядит такой диалог, нетрудно увидеть на примере западных протестантских деноминаций. На первых порах имеют место беседы о благе социального служения и неполноценности конфессиональной жизни внутри «гетто»; на следующем шагу выясняется, что Церковь не может рассчитывать на внимание общества до тех пор, пока не станет разделять основные постулаты социального фундаментализма. В финале диалога встаёт требование о фактическом самоупразднении, его общеевропейский вариант — в беспечальной атмосфере *welfare society* клерикалы одни мучаются исторической виной и вынуждены отречься от упоминаний о своих принципах.

В первоначальных доктринах лютеран, англикан, епископалов не было ничего напоминающего теперешнюю проблематику женского священства или признания гомосексуальных союзов. Но изменяется модальность общественных процессов, и богословие послушно следует показаниям социального разума, дрейфует за общественным мнением. Не существует развёрнутых теологических, канонических, церковно-исторических обоснований церковных новшеств, единственная их причина — инфильтрации культа «божественного социального». Представители меньшинств всё более представлены в различных сферах общественной жизни. Они благополучны и демонстрируют раскованный, непринуждённый стиль поведения, отвечающий общественным представлениям об адекватности, открытости, свободе, любви. Защитники же патриархата, противники абортот и из-

вращений, напротив, чем дальше, тем больше выглядят загнанными в угол, малосимпатичными, озлобленными субъектами. Поэтому выбор в пользу перемен выглядит как эмпирически очевидный. С ним наступает конец исповедания и трансформация в религию общественного мнения, догма которой — «все не могут ошибаться».

Таковы основания и перспективы «либерального христианства» или «социального христианства», формирующегося в диалоге с современностью. В диалоге, для которого сложились максимально неудобные условия, когда мир переживает пик могущества и настаивает на своём. Однако нельзя сомневаться в том, что случится то, что должно случиться: фиктивные финансы не смогут прикрыть противоречий, и триллионы «бабла» спасуют перед «злом». *Sic transit gloria mundi*⁸.

⁸ *Sic transit gloria mundi* — лат., Так проходит слава мирская.